

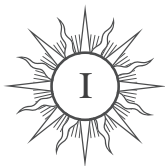
УРД
НОВОГО
СОЛНЦА

*Эта книга посвящается
Эллиоту и Барбаре —
кто знает, отчего...*

Встань! Бросил камень в чашу тьмы Восток!
В путь, караваны звезд! Мрак изнемог...
И ловит башню гордую султана
Охотник-Солнце в огненный силок.
Омар Хайям¹

---

¹ Перевод И. Тхоржевского.

ГРОТ-МАЧТА

Итак, забросив в волны времени одну рукопись, я ныне сажусь за новую. Глупо, конечно, однако я вовсе не столь глуп — и впредь, надеюсь, не выживу из ума настолько, чтоб всерьез тешиться мыслями, будто все это когда-либо отыщет читателя, хотя бы в лице меня самого. Позвольте же для начала, пусть даже этой рукописи никто никогда не прочтет, объяснить, кто я таков и что сделал для Урд.

Настоящее имя мое — Севериан. Друзья, коих у меня никогда не имелось помногу, звали меня Северианом Хромцом. Солдаты, служившие под моим командованием в великом множестве, коего, однако, никогда не бывало довольно — Северианом Великим. Враги, плодившиеся, как мухи, подобно мухам, порождаемым трупами, ковром устилавшими поля наших битв — Северианом Казнителем. Я был последним Автархом Содружества — а значит, единственным законным правителем сего мира в те времена, когда он носил имя Урд.

Однако сколь же привязчиво, заразно писательское ремесло! Несколько лет назад (если время до сих пор хоть что-нибудь значит) я писал в каюте на борту корабля Цадкиэль, воссоздавая по памяти книгу, написанную мной в клеристории Обитатели Абсолюта. Сидел и скрипел, скрипел пером, точно какой-нибудь писарь, переписывая заново повесть, которую без труда мог вспомнить от слова до слова, когда того пожелаю, и чувствуя, что совершаю последнее что-либо

значашее — или, скорее, абсолютно бессмысленное — деяние в жизни.

Так я писал, а затем засыпал, а пробуждаясь, садился за рукопись, снова и вновь отправляя перо в полет, от края к краю страницы, пока не выплеснул на бумагу, как вошел в башню бедной Валерии и как, услышав стоязкие голоса ее изъеденных временем стен, почувствовав тяжесть павшего на плечи бремени зрелости, понял: молодость в прошлом. По-моему, с тех пор прошло десять лет. Десять лет миновало с тех пор, когда я писал об этом в стенах Обителя Абсолюта. Возможно, сейчас сей срок составляет уже столетие, а то и более — как знать?

В дорогу я прихватил с собой узкий свинцовый ларец с плотно пригнанной крышкой. Рукопись, как я и рассчитывал, заполнила его доверху. Закрыв и заперев ларец на замок, я переключил пистолет на самую малую мощностъ и лучом его сплавил крышку с ларцом в единое целое.

Чтоб выйти на палубу, нужно миновать череду странных коридоров, где зачастую слышится гулкая речь, не всегда членораздельная, но неизменно понятная. Достигнув люка, следует облечься в незримый воздушный плащ, укутаться собственной атмосферой, удерживаемой пустяковой с виду вещицей вроде блестящего ожерелья из цилиндрических звеньшек. В этой вещице содержится все необходимое: воздушный капюшон, воздушные перчатки для кистей рук (эти, однако ж, стоит схватиться за что-либо, истончаются и пропускают холод), воздушные сапоги, и так далее, и так далее, и так далее.

Те корабли, что ходят меж солнцами, вовсе не таковы, как корабли Урд. Вместо палубы и корпуса — сплошь палубы, палубы, одна за другой: перемахни леер и ступай по соседней. Застланы они деревом, противостоящим смертоносной стуже куда лучше металла, а металл и камень служат им основанием.

Мачты, торчащие над каждой из палуб, в сотню раз превосходят высотой Флаговую Башню Цитадели. С виду они

кажутся безупречно прямыми, однако, если взглянуть вдоль любой из них, будто вдоль пыльной, истоптанной дороги, уходящей за горизонт, увидишь, что все они слегка, едва заметно гнутся, кланяясь ветру солнц.

Мачт этих не сосчитать, и каждая мачта оснащена тысячей реев, а каждый рей несет на себе парус цвета сажи и серебра. Паруса заслоняют собою небо, и, если стоящий на палубе захочет полюбоваться лимонными, белыми, розовыми, фиолетовыми огнями далеких солнц, разглядеть их меж парусов будет не проще, чем среди туч в осеннюю ночь.

От стюарда я слышал, что матросы, несущие вахту на реях, порой оступаются. Случись такое на Урд, несчастный погибнет, разбившись о палубу, здесь же матросы избавлены от подобного риска. Пусть корабль и огромен, и полон несметных сокровищ, и мы куда ближе к его центру, чем те, кто ходит по Урд, к сердцу Урд, сила его притяжения совсем невелика. Пушинкой падая вниз среди множества парусов, беспечный матрос рискует разве что утратить достоинство, однако насмешки товарищей ему не слышны, ибо пустота заглушает любой голос, кроме голоса самого говорящего (если только двое не сойдутся так близко, что их воздушные облачения образуют единую атмосферу). Слыхал я, не будь оно так, от рева солнц оглохла бы вся вселенная.

Однако, отправляясь на палубу, я ничего этого не знал. Загодя меня предупредили только о необходимости надеть ожерелье да о том, что внешнего люка — так уж они устроены — не открыть, пока не закроешь внутреннего, но не более. Представьте, как я был изумлен, выйдя наружу со свинцовым ларцом под мышкой!

Повсюду вокруг надо мной высились черные мачты, униженные серебряными парусами. Ярус за ярусом, ярус за ярусом... казалось, полотнища парусов раздвигают в стороны сами звезды. Прочие снасти несложно было принять за тенета, сплетенные пауком величиною с корабль — а корабль изрядно превосходил размерами многие из островов, способных похвастать усадьбой и обитающим в ней армигером, чув-

ствующим себя едва ли не полновластным монархом. Сама же палуба тянулась вдаль, словно равнина; для того, чтоб хотя бы ступить на нее, потребовалось все мое мужество.

В каюте, трудясь за письменным столом, я почти не замечал, что вес мой уменьшился до одной восьмой. Теперь же, шагнув на палубу, я почувствовал себя, будто призрак — или, скорее, бумажный человечек, достойный супруг для бумажных дам, которых мне не раз доводилось раскрашивать в детстве, задавая кукольные балы. Силой солнечный ветер уступает легчайшему из зефиров Урд, однако я, ощутив его легкое дуновение, всерьез испугался, как бы меня не унесло. Казалось, я не шагаю по палубе — парю над ней... Впрочем, так оно и было, поскольку подметки моих сапог отделял от досок слой воздуха, создаваемый ожерельем.

Полагая, что палубы, как и палубы кораблей Урд, должны кишмя кишеть матросами, я огляделся в поисках хоть одного, способного подсказать, где и как лучше взобраться наверх. Увы, вокруг не оказалось ни души: со временем воздух незримых плащей становится спертым, и потому матросы остаются под палубами, пока в них не возникнет нужда наверху, а возникает она крайне редко. Не придумав ничего лучшего, я закричал во весь голос, но отклика, разумеется, не последовало.

Одна из мачт возвышалась невдалеке, всего в нескольких чейнах, но, едва разглядев ее, я понял, что вскарабкаться на нее не смогу: гладкая, словно металл, мачта превосходила толщиной любое дерево, когда-либо украшавшее наши леса. Охваченный страхом перед сотней вещей совершенно безвредных, но даже не подозревающих о настоящих опасностях, ожидающих наверху, я двинулся дальше.

Огромные палубы плоски, что позволяет матросам подавать знаки товарищам, работающим неподалеку: выпуклые и в равной мере удаленные от центра корабля, они заслоняли бы матросов друг от друга — таким же образом горизонты Урд заслоняют уходящие в океан корабли. Однако в силу этой же самой плоскости палубы неизменно кажутся наклонными, стоит хоть немного отойти от их центра, и посему меня,

при всем ничтожестве собственного веса, никак не оставляло ощущение, будто я иду вверх по склону призрачного холма.

«Подъем» продолжался довольно долго — возможно, около половины стражи. Казалось, мертвая тишина, безмолвие тверже палубных досок, вот-вот сокрушит мою храбрость. Слышал я только собственную неровную поступь да порой дрожь или гул под ногами. Кроме этих негромких звуков, тишины не нарушало ничто. Еще в детстве, на уроках мастера Мальрубия, я усвоил, что пространства меж солнц далеко не пустынные: ведь их бороздят многие сотни, а может, и тысячи кораблей. Впоследствии выяснилось, что одними кораблями дело вовсе не ограничивается. К примеру, ундины, с которой мне дважды довелось повстречаться, обмолвилась, что порой плавают в межсолнечной пустоте, и там же парило крылатое существо, которое я мельком видел в книге Отца Инире.

Теперь же я открыл для себя то, чего никогда прежде не понимал: что все эти корабли и громадные существа — лишь жалкая горстка семян, рассеянных над пустыней, по завершении сева остающейся столь же пустой, как и прежде. Пожалуй, в этот миг я развернулся бы да похромал назад, в каюту... если б не понимал, что, как только переступлю порог, гордыня снова погонит меня наружу.

Наконец я доковылял до едва различимых издали ниспадающих паутинок вант, до канатов, порой поблескивавших в свете звезд, а порой исчезающих из поля зрения в темноте либо на фоне серебристых полотнищ верхних парусов соседней палубы. Сколь бы тонкими они ни казались с виду, каждый из этих канатов превосходил толщиной громадные колонны в нашем соборе.

Под воздушным плащом на мне имелся обычный, шерстяной. Обвязав подол вокруг пояса на манер котомки или узла, я уложил в него свинцовый ларец, вложил в здоровую ногу все силы и прыгнул.

Казалось, все существо мое соткано из невесомых перьев, и посему я полагал, что взлечу вверх плавно, медленно: мне говорили, что именно так взлетают на реи матросы. Не тут-то

было. Прыгнул я так же резво, а может быть, и резвее, чем кто-либо здесь, на Ушас, однако полет ее прыгунов замедляется почти сразу, а со мной получилось иначе. Объятый восторгом и ужасом, я летел, летел вверх, нисколько не сбавляя первоначальной скорости.

Вскоре мой ужас изрядно усилился, так как я не сумел сохранить изначального положения: ноги сами собой задрались кверху, в полете меня развернуло на спину, а после закружило в пустоте, словно меч, вздетый над головой в миг победы.

Перед глазами мелькнул сверкающий канат. Не сумев дотянуться до него, я услышал сдавленный вскрик и лишь задним числом понял, что вскрикнул сам. Впереди поблескивал второй канат. По собственной ли воле, нет ли, я ринулся на него, будто на злейшего врага, ухватился, вцепился в него, да так, что чуть не вывихнул из плечевых суставов обе руки, а свинцовый ларец, пронесшийся над головой, едва не задушил меня собственным же плащом. Обхватив ледяной канат и ногами, я кое-как перевел дух.

Сады Обитатели Абсолюта населены множеством обезьян-ревунов, но, так как слуги низшего ранга (землекопы, носильщики и так далее) от случая к случаю ловят их на обед, людей они опасаются. Сколь часто я завидовал этим зверькам, наблюдая, как они взбегают вверх по стволу дерева, не падая и словно бы вовсе не подозревая о неодолимом тяготении Урд, а теперь превратился в одного из подобных зверьков сам. Едва уловимое притяжение корабля подсказывало, что низ находится там же, где и просторная палуба, но это ощущение казалось смутным, будто воспоминание о воспоминаниях: очевидно, когда-то я падал с большой высоты, а теперь вспомнил, как вспоминал то падение раньше.

Однако канат оказался сродни тропе через пампасы: подъем ничуть не труднее спуска, и ни то ни другое не составляет труда. Тысячи прядей служили прекрасной опорой, и я, точно маленький длинноногий зверек, зайчишка, скачущий вдоль бревна, полез наверх.

Таким образом я вскоре добрался до рея — поперечины для крепления нижнего грот-марселя. С нее я перепрыгнул на другой канат, потоньше, а после на третий, а оседлав рей, к которому вел он, обнаружил, что будто бы ни на чем и не сижу. Шепот «низа» умолк; коричневато-серая обшивка корабля просто плыла сквозь пустоту где-то на самой границе видимости.

Над головой по-прежнему вздымались многие ярусы серебряных парусов, с виду столь же бесчисленных, как и до подъема на рей. Мачты на палубах справа и слева клонились в стороны, точно вильчатые острия стрелы для птичьей охоты — или, скорее, множества рядов подобных стрел, так как за ближайшими возвышались еще и еще мачты, отделенные от моей, по крайней мере, десятками лиг. Будто персты Предвечного, указывали они на рубежи мироздания, а верхние из их солнечных парусов, теряясь в мерцании звезд, казались лишь блестками мишуры. Пожалуй, отсюда я вполне мог бы (как и задумал) зашвырнуть ларец в пустоту — чтоб он, если будет на то воля Предвечного, когда-нибудь попал в руки существа иной расы, в руки иного разума.

Удержали меня два соображения. Первым из них оказалась не столько мысль, сколько память о давнем решении, принятом, когда я трудился над рукописью, а все догадки насчет кораблей иеродул были для меня вновь — решению подождать, пока наше судно не пронзит ткань времени. Ту, первоначальную рукопись с повестью о моих странствиях я уже вверил попечению библиотечарей мастера Ультана, а в библиотеке она просуществует никак не дольше самой Урд.

Этот, второй экземпляр я (поначалу) предназначил для следующего творения, дабы, даже не выдержав предстоящего мне великого испытания, отправить хоть малую — неважно, сколь малую — частицу нашего мира за рубежи мироздания.

Теперь, глядя на звезды, на солнца, столь отдаленные, что планет вокруг и не разглядишь, хотя некоторые куда больше Серена, и на целые водовороты звезд таких далеких, что миллиарды их кажутся одной-единственной звездочкой, я с изум-

лением вспомнил собственную наивность. Еще недавно все это казалось слишком мелким для моих притязаний... Быть может, с тех пор вселенная выросла (хотя мисты утверждают, будто она больше не растет)? А может, с тех пор вырос я сам?

Второе соображение тоже было, скорее, не мыслью, а всего лишь неодолимым инстинктивным желанием: мне очень хотелось взобраться на самый верх. В защиту своей решимости могу сказать, что понимал: больше подобной возможности может и не представиться, что высота положения не позволяла довольствоваться победой менее той, которую одерживает простой матрос всякий раз, когда этого требует служба, и так далее, и так далее, и так далее.

Однако логика логикой, а дело было в другом — в восторге от этой затеи. Многие годы не находивший радости ни в чем, кроме побед, я снова почувствовал себя мальчишкой. Мечтая взобраться на вершину Башни Величия, я даже не подозревал, что Башня Величия сама может мечтать о взлете к небу, но теперь-то знал, что почему. Наш корабль вознесся за пределы небес, и мне хотелось подняться с ним как можно выше.

Чем дальше, тем легче, тем опаснее становился подъем. Тяжести во мне не осталось ни крупинки. Прыжок за прыжком, прыжок за прыжком... Ухватившись за какой-нибудь фал или шкот, я подтягивался, закидывал на него ногу и, оттолкнувшись от него, прыгал снова.

После дюжины подобных взлетов меня осенило: зачем останавливаться так часто, если до вершины мачты, ни за что не хватаясь, можно добраться одним прыжком? С этой мыслью я взвился ввысь, подобно ракете на праздник Летнего Солнцестояния — нетрудно было вообразить, будто полет мой сопровождает точно такой же свист, а следом за мной тянется пышный хвост из алых и лазоревых искр.

Паруса и канаты замелькали перед глазами бесконечной чередой. Раз мне, кажется, удалось угледеть нечто непонятное, золотистое с алыми прожилками, с виду будто парящее в пространстве меж двух парусов — должно быть, какой-то прибор, установленный как можно ближе к звездам, или про-

I. ГРОТ-МАЧТА

сто предмет, беспечно оставленный на палубе и после незначительной смены курса уплывший прочь.

Однако долго раздумывать обо всем этом было некогда: я ведь по-прежнему несся вверх.

Вот впереди показался грот-марс. Я потянулся к фалам. Здесь их толщина вряд ли намного превосходила толщину пальца, хотя любой парус мог бы накрыть разом две сотни лугов.

Фал оказался дальше, чем я думал, и дотянуться до него мне не удалось. За первым фалом промелькнул мимо второй.

А за вторым — по крайней мере, в трех кубитах от вытянутой руки — и третий.

Попробовав перевернуться, подобно пловцу, я сумел всего лишь поднять колено к груди. Блестящие канаты такелажа далеко отстояли один от другого даже внизу, где их только для этой мачты имелось более сотни, а здесь не осталось ни единого, кроме топенанта бом-брам-рея. Дотянуться я до него дотянулся, однако ухватиться не смог.

